

Несчастливая душа, которая набросилась на У Синсюэ, был первым «посланником Бессмертных», которого они нашли, Чжао Цинлаем.

Ногти Чжао Цинлай, которые раньше были спрятаны в рукавах, были длинными и острыми, как ножи. Он мог легко проделать борозды в каменной стене, если бы ударил по ним.

Он выбрал У Синсюэ, потому что тот выглядел как слабый, худой и незащищенный аристократ, тип, который только играл и наслаждался своей беззаботной жизнью. Этот молодой мастер даже не носил шарфа, только держал грелку для рук и оставлял шею открытой для нападения.

Все, что ему нужно было сделать, это слегка надрезать шею, и тогда хлынет кровь...

Никаких усилий, и дело сделано!

Чжао Цинлай облизнул зубы и полоснул руками по шее У Синсюэ.

Цзанг!

Когда раздался шум, Чжао Цинлай даже не успел среагировать.

В конце концов, как у человека, который уже умер, у него было немного более медленное время реакции. Когда он понял, что это был звук обнажаемого меча...

Рука, которой он полоснул по шее У Синсюэ, уже исчезла.

Бушующая энергия меча и огромная острота, вырвавшаяся наружу, были подобны неизбежным ледяным ветрам глубокой зимы, пронесшимся по телу Чжао Цинлая.

Его плотно завернутое пальто было разорвано на куски, и давление, удерживающее его тело вместе, внезапно исчезло.

Чжао Цинлай широко раскрыл глаза.

В это время У Синсюэ уже исчез, человек, преграждавший ему путь, был кем-то другим. Этот человек был очень высоким, и когда он осторожно коснулся земли кончиком своего меча, он холодно сказал:

— Уйди.

.....

«Я не могу...»

Чжао Цинлай в одно мгновение рухнул на землю, и его рев сменился на хрип. Подобно свисту, его звук эхом разнесся по всему подземелью с сильным чувством нежелания.

Это был не только Чжао Цинлай.

У других, кто пошел за тремя учениками-заклинателями, также были разорваны на куски плащи от энергии летящего меча.

Эти ученики-заклинатели наносили удары своим противникам мечами, но ни во что не попадали. Те враги, которые были свирепы всего секунду назад, внезапно рухнули на свои груды ткани.

Когда им было «предназначено» прийти в долину Дабэй, их конечности уже были полностью отрезаны. С глубокими обидами и злобой они должны были быть ужасающими зловещими существами.

Но когда их жесткие и бледные части тела, покрытые пятнистыми шрамами, упали и покатались по земле, и когда их красные глаза изо всех сил старались оставаться открытыми...

Смотреть на это было немного невыносимо.

В конце концов, они тоже когда-то были живыми людьми.

Маленькие ученики-заклинатели были еще молоды, и их реакция была самой очевидной. С мертвенно-бледными лицами они отступили на несколько шагов, даже не зная, что делать со своими мечами. В конце концов, они растерянно посмотрели на Сяо Фусюаня.

Как один из четырех старейшин ордена Хуа, И Ушэн и раньше видел много подобных ситуаций, поэтому он не был так сильно затронут. Но будучи врачом, он не мог просто смотреть. Он также подсознательно смотрел в сторону Сяо Фусюаня.

В мире смертных на самом деле было не так уж много слухов о нем. Единственными, с которыми он имел дело, были злые и презренные люди. Он не имел никакого отношения к чужому богатству, и он не отвечал за процветание и бедствия. Итак, люди не молились ему, и он тоже никогда ни в чем не предлагал защиты.

Его портретов было немного, не говоря уже о божественных статуях. Большинство из них стояли в таких местах, как пустыня Джиминг, куда мало кто осмеливался заходить.

Другие, такие как Бессмертные Лингтая, все демонстрировали улыбки на своих портретах и

божественных статуях, подобно весеннему ветерку, обдувающему мир.

Только у него, независимо от того, божественная статуя это или портрет, независимо от того, похожа ли статуя на него или нет, у него всегда было холодное выражение лица без тени улыбки

Неудивительно, что людям не нравилось поклоняться ему в своих домах. Потому что кажется, что воссоединения и расставания обычных семей, рождения и смерти, печали и радости никогда не могли вызвать ни малейшей ряби в его глазах.

Точно так же, как и сейчас, его глаза были опущены, и его пристальный взгляд сканировал конечности и головы, разбросанные по земле, и те глаза, которые не могли закрыться. И все же на его лице не было никаких эмоций.

Закончив разглядывать их, он только приподнял свои тонкие веки.

Крики Чжао Цинлая стали чрезвычайно пронзительными и жалобными, эхом отдаваясь в катакомбах, и закончились скорбным плачем.

Сяо Фусюань не обратил на этот звук никакого внимания. Он убрал энергию своего меча и вернул меч в ножны.

В эту секунду все в подземельях внезапно почувствовали дискомфорт.

Это был эмоциональный дискомфорт эмоций, связанный с резкой энергии меча, которая вызывала у всех неприятный озноб.

Это было похоже на острое лезвие, которое убило бесчисленное множество существ. Даже если бы его отмыли от крови, хранили в драгоценных нефритовых ножнах и украсили лучом лунного света, он все равно оставался бы смертоносным оружием, к которому никто не посмел бы прикоснуться.

Только У Синсюэ ощущал другое.

Поскольку его палец был прижат к спине Сяо Фусюаня, когда Чжао Цинлай и другие рухнули на землю, их конечности и головы хаотично разлетелись, он ясно почувствовал, как Сяо Фусюань слегка наклонился.

Это было чрезвычайно тонкое движение, настолько слабое, что У Синсюэ даже не сразу его почувствовал.

Только когда он больше не мог видеть эти сломанные конечности и эти неохотные глаза, он

понял, что Сяо Фусюань загроаживает ему обзор. Таким образом, ему не пришлось быть свидетелем всего этого на земле.

Какой абсурд.

Как тот, кто не коляблясь убил бы демона, стал тем, кто загроаживал ему неприглядное зрелище.

И только после того, как его закрыли обзор, У Синсюэ медленно осознал, что он действительно не хотел видеть эти вещи.

Возможно, именно долгий сон о городе Ке изменил его натуру. Когда он увидел эти раздробленные конечности и головы, ему стало очень неуютно. Это было то же самое чувство после того, как он убил тех иньских существ, как он не мог вынести крови на своих руках.

У Синсюэ на мгновение замолчал, затем палец, который был прижат к Сяо Фусюань, немного пошевельнулся.

— Сяо Фусюань.

— Мм, — ответил Сяо Фусюань своим глубоким голосом.

У Синсюэ наклонился вперед и собирался что-то сказать, но увидел, что прежде чем он смог что-то сказать, Сяо Фусюань уже повернул голову.

В этот момент они были очень близко друг к другу, они почти могли почувствовать дыхание друг друга.

У Синсюэ поджал губы, а затем снова выпрямился.

Сяо Фусюань тихо спросил:

— В чем дело?

— Ничего, я забыл.

Сяо Фусюань поднял взгляд и прищурился.

У Синсюэ посмотрел на него, а затем тихо сказал:

— Тогда... спасибо тебе?

«...»

Услышав это, Нин Хуайшань и Фань Чу почувствовали, что вот-вот умрут.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12946/1136616>